

Торжествующая Россия: Военная лирика XVIII века*

Иоахим Клейн

Лейденский университет
Лейден, Нидерланды

Russia Triumphant: War Poetry in the Eighteenth Century

Joachim Klein

University of Leiden
Leiden, Netherlands

Резюме

Предлагаемая статья посвящена военной лирике, широко практикуемой русскими поэтами во второй половине XVIII века. Эта лирика является тематической разновидностью окказиональной придворной поэзии. Она процветала в контексте празднеств, устраиваемых по поводу русских успехов в многочисленных войнах эпохи. Учитывается творчество не только крупных, но и мелких поэтов, чтобы получить более полную картину современного сознания. Рекомендую себя в качестве лояльных подданных, поэты посвящали свои стихотворения прежде всего Екатерине II, поздравляя ее с победой и восхваляя ее многочисленные добродетели. Этот панегирический элемент военной поэзии проливает свет и на культ монархини, и на конкретные черты ее образа. Поэты обращались со своими текстами также к победоносным генералам, а иногда и к российским войскам. Практикуя этот жанр, они демонстрировали не только свои верноподданнические чувства, но и свою поэтическую виртуозность. Их художественная задача состояла в том, чтобы перевести известные факты военных событий на “язык” высокого стиля, придавая им поэтический, праздничный ореол. Писать победную оду было праздничным актом *sui generis*: согласно европейской традиции, восходящей к классической античности,

* При переводе этой статьи мне помогала И. А. Паперно. Мой интерес к военной лирике возник в разговорах с Любой Гольбурт. Благодарю библиотеку университета Беркли, без ресурсов которой настоящая работа не могла бы быть выполнена. Благодарю также внутренних рецензентов журнала “СловЪне” за ценные указания.

поэтическое слово обладало способностью победить время и обеспечить вечную славу. Кроме того, поэты могли при всей близости к позиции официальной политики выразить свой собственный взгляд на военные события. Выделяются две основных точки зрения: для радикальных патриотов среди поэтов война являлась испытанным и позволительным средством для осуществления внешнеполитических претензий, тогда как умеренные патриоты, напротив, видели в войне необходимое зло, которое они стремились всеми силами согласовать с традиционным идеалом “праведной войны”. Статья завершается обсуждением вопроса об онтошении военной поэзии к миролюбивым идеалам европейского Просвещения.

Ключевые слова

XVIII век, придворная окказиональная поэзия, военная тема, культ монархии, два вида русского патриотизма

Abstract

This paper deals with a variety of lyric poetry that was widely cultivated under Catherine II—the poetry of war. This poetry was written almost always as occasional court poetry; it flourished in the general context of festivities organized in celebration of the Russian successes in the numerous wars of the period. The analysis takes into account not only the main poets, but also the minor poets in order to receive a fuller picture of the period’s mentality. Presenting themselves as loyal subjects, the poets dedicated their texts mostly to Catherine II, congratulating her on her victories and praising her multifarious virtues. This panegyric element sheds a light on the cult of the empress and the specifics of her contemporary image. But the poets addressed their works not only to Catherine, but also to her victorious generals and in some cases also to the armed forces. In practicing this kind of poetry, the authors not only showed their patriotism, but also their poetic virtuosity and their erudition: their poetic task was to translate the well-known military facts into the solemn “language” of the “high style”. Writing a victory ode was a celebratory act *sui generis*: according to a venerable tradition of classical antiquity, the poetic word was able to transcend time, ensuring eternal glory. Remaining close to official doctrine, the poets were nevertheless able to express their own patriotic view on the ongoing wars. This patriotism came in two kinds; each one represented a certain attitude to war. The first was a radical patriotism that advocated the pursuit of national glory by the ruthless use of military power in foreign politics. The second kind was a moderate patriotism that saw war as a necessary evil; it obsessively strove to reconcile Catherine’s bellicose politics with the traditional ideal of a “just war”. The article closes with a discussion of war poetry in its relation to the peace-loving ideals of European Enlightenment.

Keywords

Eighteenth century, Occasional court poetry, the theme of war, the cult of the empress, two kinds of Russian patriotism

XVIII век был для России веком военных триумфов. Цепь побед началась с Петра I, продолжилась при Елизавете Петровне и достигла новых вершин при Екатерине II. С петровской эпохи Россия находилась “на пути к Европе”. Во второй половине века стало очевидным, что эта цель была достигнута, по крайней мере в военном отношении: с Семилетней войны Россия вошла в число великих держав Европы.

Поэты не хотели остаться в стороне от общего восторга и воспевали с большим рвением славу отечественного оружия. Так случилось, что во второй половине века, о которой пойдет речь в предлагаемой статье, существенная часть русской лирики состояла из военных стихотворений¹. Мне удалось найти больше 160 подобных текстов. Это явление было массовым, если учесть не очень развитое состояние тогдашней литературной жизни. Наряду с М. В. Ломоносовым, Г. Р. Державиным, А. П. Сумароковым, М. М. Херасковым и А. Н. Майковым выступали с военными стихотворениями В. П. Петров, Н. П. Николев, Е. И. Костров, В. Г. Рубан, С. С. Бобров и многие другие². Пренебрегать этими *roetae minores* не следует: анализ их стихотворений помогает нам вникнуть в политическое сознание эпохи и проливает свет в том числе на особенности культа Екатерины II.

Авторы военной поэзии не испытывали тогда недостатка вдохновения — они жили в эпоху, полную войн. Число текстов, написанных по поводу Семилетней войны, еще невелико. Однако с 1760-х гг. литературная жизнь стремительно развивалась благодаря культурной политике государства [Marker 1985: 70–71]. С числом авторов росло и число военных стихотворений. Поэты воспевали турецкие войны (1768–1774, 1787–1791), войну с Швецией (1788–1790), подавление польского восстания (1794) и войну с Персией (1796). По поводу гражданской войны, возникшей вследствие Пугачевского восстания (1773–1775), было написано, насколько мне известно, только два стихотворения — “Стихи на Пугачева” А. П. Сумарокова 1774 г.³ и “Ода на истребление злодеев [. . .]” 1775 г.⁴

¹ О “героической теме в русской литературе” см.: [Кузьмин 1974]. Автор анализирует в главе о классицизме различные жанры военной литературы, прежде всего оду, а также драму и эпическую поэму; при этом он ограничивается крупными поэтами. О военной поэзии петровской эпохи см.: [Люстров 2012]; о поэзии, посвященной Первой турецкой войне, см.: [Vacheva 2013]; об аннексии Крымского ханства см.: [Jekutsch 2015]; о поэзии, посвященной “военному дискурсу” екатерининской эпохи, см.: [Проскурина 2006: 147–194]; о войне в драматургии см.: [Hartley 2008: 181–182].

² Вне поля нашего внимания остается в качестве специальной разновидности военной поэзии так называемая солдатская песня, см.: [Пушкарев 1969].

³ См. [Сумароков 1957: 308–309]; текст вышел впервые отдельным изданием, см.: [СК, 3: 195].

⁴ См.: [СК, 2: 344–345]; этот текст мне не был доступен; он приписывается В. Г. Рубану [Ельницкий 2012].

Эта тема явно считалась неудобной для патриотического ликования⁵. В конце XVIII и в начале XIX вв. была еще война Второй коалиции против революционной Франции (1799–1802), в которой Россия участвовала наряду с Австрией, Англией и другими государствами. Однако с нее началась уже новая эпоха военной поэзии (и военной истории), которая выходит за рамки данной работы.

Придворная окказиональная поэзия

Русская военная поэзия представляет собой разновидность придворной окказиональной литературы⁶. Придворной — в том смысле, что она была предназначена для придворной публики, т. е. для монарха и его окружения. Военная поэзия состоит в основном из торжественных од, написанных по поводу успехов российских армии и флота (немногие поражения не воспевались); образцом для этого типа стихотворений послужила ода Ломоносова 1739 г. на взятие турецкой крепости Хотин. Поэты воспевали не только победоносные сражения на суше и на море, но и такие радостные события, как заключение мирного договора 1774 г. в Кучук-Кайнарджи, которым русско-турецкая война 1768–1774 гг. закончилась чрезвычайно выгодным для России образом. Событиями этого рода были также аннексии Крымского ханства в 1783 г., а также тех областей, которые достались России в связи с Первым и Вторым разделами Польши (1772 г., 1793 г.); результаты Третьего раздела почему-то не воспевались.

В русских военных стихотворениях XVIII века не отражается непосредственный опыт авторов. В воспеваемых ими войнах они почти все не участвовали⁷ — эта поэзия носит чисто кабинетный характер. Шведская война, правда, разыгрывалась перед воротами столицы в Финляндии и на Балтийском море. Однако театры других войн, как Семилетней, так и турецких, находились очень далеко от российских столиц. Поскольку не было еще частных газет, авторы зависели от официальных источников информации, прежде всего от “Прибавлений к Санкт-Петербургским ведомостям”, выходивших с 1728 г. два раза в неделю.

⁵ По поводу русско-персидской войны было, правда, также написано только одно стихотворение — ода Державина “На покорение Дербента” [Державин 1868: 507–508]; но эта война была очень непродолжительной; начатая в 1796 г. еще при Екатерине II, она была в том же году прекращена Павлом I.

⁶ О русской окказиональной поэзии см.: [Jekutsch 2016]; речь идет здесь также о начале русской военной лирики [Ibid. XIV–XVI].

⁷ К редким исключениям принадлежали С. Г. Домашнев [Степанов 1988а: 284–285], Ю. А. Нелединский-Мелецкий [Виролайнен 1999: 341–345] и П. С. Потемкин, троюродный брат знаменитого Г. А. Потемкина [Заборов 1999: 284]. Но личный опыт не повлиял на поэтическую практику этих авторов, которые придерживались общепринятых конвенций.

Бюллетени о военных успехах читались также вслух в церквях, чем обеспечивалось широкое распространение выгодных для правительства новостей.

В дедикационных заголовках, которыми снабжены почти все военные стихотворения, авторы обращаются прежде всего к Екатерине II. Показывая себя лояльными подданными, они поздравляют императрицу с победой, восхваляют ее многочисленные добродетели и восхищаются доблестью российских войск. Подобно другим разновидностям окказиональной поэзии, военные стихотворения издавались как праздничные — украшенные виньетками — брошюры, большинство которых выходило скромными тиражами за счет авторов⁸. Тексты публиковались также бесплатно в литературных журналах. Поднести стихотворение августейшему адресату было возможно только через высокопоставленного посредника [Клейн 2010: 107–110]. В таком случае автор мог надеяться на щедрую награду — на продвижение по службе, деньги, бриллиантовое кольцо или золотую табакерку. Но так везло далеко не всем. П. И. Голенищев-Кутузов (племянник будущего генерал-фельдмаршала) был доволен уже тем, что императрица “одобрила” его оду 1789 г. на взятие турецкой крепости Очаков⁹: это было проявлением царской милости, которым можно было гордиться.

Остальные экземпляры стихотворений раздавались при дворе или продавались в городе, т. е. авторы обращались не только к высокопоставленным адресатам, но также к публике в целом. Она была призвана оценить поэтические способности автора, разделить его патриотические чувства и познакомиться с его взглядом на военные события. Как мы увидим далее, при всей близости к официальной точке зрения такой взгляд мог вполне обладать собственной идеологической спецификой.

Похвала простому солдату: Николев и Глейм

Военные стихотворения посвящались не только императрице, но и ее победоносным генералам и адмиралам — П. А. Румянцеву, Г. А. Потемкину, А. В. Суворову, В. Я. Чичагову и др.; и в этих текстах было много восхвалений императрице. Учитывая “нецарский сан” военных адресатов, авторы прибегали к стихотворному посланию как жанровой форме среднего, а не высокого стиля. Однако к таким адресатам могли

⁸ Ода “На взятие Варшавы” Державина имела тираж 3000 экземпляров [СК, 1: 281]. Военная ода Ломоносова 1759 года была опубликована тиражом 570 экземпляров, военные оды Сумарокова могли выйти в 600 или меньше экземплярах. Тексты большинства других авторов издавались тиражами 100 или меньше экземпляров.

⁹ Так гласит сноска, которой автор комментирует новое издание своего стихотворения [Голенищев-Кутузов 1803: 52].

также обращаться с торжественными одами, так что царская семья при Екатерине II уже не имела такой монополии на этот жанр, как при Елизавете Петровне. Это имеет не только жанрово-этикетное значение: перед нами начало новой для России традиции — традиции литературного почитания военных героев, которая развивалась с 1790 г., и была особенно связана с Суворовым [Keer 1985a: 247–248]; И. Завалишин посвятил ему даже “героическую поэму” — “Сувороиду” 1795 г. [СК, 1: 356].

Среди адресатов военной поэзии встречаем также армию в целом. Державин, например, посвящает первое издание оды на взятие турецкой крепости Измаил 1791 г. “россу”¹⁰, прибегая, как видим, к монументальному лаконизму¹¹. Войскам посвятили свои стихотворения и другие авторы, например Херасков в 1769 г. [Херасков 1961: 64–68]. Однако во всех этих случаях не ясно, кто именно имелся в виду: абстрактный “коллектив вооруженных сил” или конкретные простые солдаты? Мы получаем ответ на этот вопрос только у одного автора — у Н. П. Николева в его “Оде российским солдатам на взятие крепости Очакова 1788 года декабря 6 дня, сочинена в Москве отставным служивым Моисеем Слепцовым” [НЕС 1789, 34: 51–64].

Лирический субъект Николева использует в первой строфе литературную символику русского классицизма: он будет петь свою оду не на “громкой лире”, как принято, а “[п]о-солдатски на дудке“, т. е. он хочет писать свое сочинение не в высоком, а в низком стиле. Это мотивировано фиктивным персонажем — “отставным служивым” Моисеем Слепцовым. К этому приему существует любопытная параллель в немецкой военной поэзии эпохи Семилетней войны, а именно — “Прусские военные песни одного гренадира” (“Preußische Kriegslieder von einem Grenadier”) 1758 г., которые много раз переиздавались и вызвали волну подражаний; их автором был Иоганн Вильгельм Лудевиг Глейм [Gleim 1882]. Гренадир Глейма является таким же простым солдатом, как певец Николева; в качестве выдуманного персонажа он также должен был мотивировать выбор простого стиля.

¹⁰ Заголовок этого издания гласит: “Песнь лирическая россу по взятии Измаила” [Державин 1791]. В последнем прижизненном издании 1808 г. Державин убрал как посвящение, так и жанровое обозначение; заголовок теперь гласит: “На взятие Измаила” [Державин 1868: 237–247]. Державин поступил в этом позднем издании таким же образом с другими стихотворениями. Думается, что он при этом учитывал изменившуюся литературную ситуацию: жанровая поэтика и литературные дедикации выглядели уже старомодными.

¹¹ Слово “росс”, будучи гораздо моложе его синонима “русский”, вошло в широкое употребление только с конца XVII века; не имея этнического значения, оно относилось к подданным “новой”, созданной Петром I империи [Ширле 2012: 213–217].

Кажется, что стихотворение Николева пользовалось каким-то успехом [Альтшуллер 2014: 316]; однако нельзя сравнить его с успехом *Военных песен* Глейма, которые были положены на музыку, пелись солдатами и заслужили похвалу таких знаменитостей, как И. В. Гете, И. Г. Гердер и Г. Э. Лессинг [Sauer 1882: VII; Schönert 1983: 134–135, 136–137]. Второе различие состоит в том, что лирический субъект Николева носит говорящее имя — Слепцов. Он — слепой поэт, “русский Гомер”; в 30 строфе Очаков называется “новой Троей”. Кроме того, имя *Слепцов* содержит автобиографический намек: Николев был слепым с юных лет [Кочеткова 1999: 350]. Это значит, что выступает в роли русского Гомера не только Слепцов, но и сам автор. Таким образом, стихотворение Николева представляет собой прозрачную игру масками, чем уничтожается иллюзия народности.

Николев обращается со своим стихотворением на самом деле не к простым солдатам, а к литературной публике, которая должна оценить его стилизаторское искусство. Другое дело — Глейм: он сумел скрыться за своим гренадиром так удачно, что читатели приписывали его “Военные песни” очень долго не ему, а его гренадиру, которого считали не выдумкой, а реальным человеком. Глейм хотел с помощью этого персонажа создать впечатление аутентичной народности, и он действительно обращался к прусским солдатам, воодушевляя их на отечественную войну и на верность королю Фридриху II.

Однако эти различия не меняют того факта, что как Николев, так и Глейм прославляют героизм простых солдат. Николев руководствуется при этом гуманистической мыслью, которая также встречается в последней трети века у других авторов — у Я. Б. Княжнина в комической опере “Несчастье от кареты” (первая постановка 1779) и у Н. М. Карамзина в повести “Бедная Лиза” (1792). Оба автора демонстрируют, что можно найти величие души не только у дворян, но также у простого народа¹². Имплицируемая этим критика была направлена против основ сословного общества. Как явствует из 31 строфы его стихотворения, Николев вполне осознавал “опасность” такой критики. Метафорически ставя русских солдат в силу их душевного благородства на одну доску с дворянской знатью, Слепцов одновременно увещевает их довольствоваться реальным местом внизу социальной лестницы, причем он не выдерживает роли “человека из народа”, обращаясь к солдатам не только как к “товарищам” и “друзьям”, но и как к “верным слугам”:

¹² Дальнейшие примеры для этой надсословной установки, встречающиеся в комической опере, см.: [Wirtschaftler 2001].

О товарищи любезны!
Верны слуги и друзья!
Вы отечеству полезны,
Вы бояре и князя,
Не желайте барской доли;
Не желайте пьяной воли;
Трудно волей нам владеть.
Естьли вы великодушны,
Храбры, честны и послушны,
Так чего еще хотеть?

Военные празднества

“Гром победы, раздавайся!”¹³

Поэты откликались своими военными стихотворениями на триумфальные настроения, которые также выражались в рамках официальных празднеств, устраиваемых по поводу успехов российского оружия¹⁴. Самое известное празднество этого рода было отмечено необычайно пышно во всей империи в 1775 г. по поводу заключения мирного договора с Османской Портой, имевшего место в Кучук-Кайнарджи в июле 1774 г., т. е. на год раньше (это опоздание объясняется Пугачевским восстанием, которое удалось подавить только к концу 1774 г.).

Праздновалось также, например, взятие Хотина в 1769 г. Известие об этой победе достигло Петербурга 19 сентября; курьер был награжден орденом. На следующий день было торжественное богослужение в Казанской церкви (предшественнице Казанского собора); присутствовала императрица. После литургии была прочтена реляция победоносного генерала. Последовало благодарственное молебствие, которое служилось церковными иерархами “с коленопреклонением”; пели также, как можно предположить, гимн “Тебе Бога хвалим”. Потом раздался 101 пушечный выстрел, звонили в колокола. В конце церковной церемонии Екатерина допустила церковных иерархов к руке; она затем вернулась в Зимний дворец. Там поздравили ее с победой придворные вельможи; были жалованы к руке и они [КЖ от 21 сентября 1769 г.: 194–195].

Стихотворение как памятник

Победные празднества могли иметь и неофициальный характер. Приходит на ум в первую очередь описанный Державиним сказочно роскошный

¹³ См.: [Державин 1868: 269–271]. Эта песня была, как известно, первым — неофициальным — национальным гимном России.

¹⁴ См.: [Шматова 2006: 56–70; Hartley 2008: 173–174]. О церковном праздновании побед см.: [Порфирьева 2001; Dixon 2007: 222–223]. Об окказиональной поэзии как явлении праздничной культуры см.: [Jekutsch 2010].

праздник, который был устроен Потемкиным 28 апреля 1791 г. в его Таврическом дворце в честь императрицы по поводу взятия турецкой крепости Измаил. Другие патриоты выражали свои чувства тем, что устраивали фейерверки, устраивали званые обеды или же сочиняли оды.

Создание военной оды было праздничным актом *sui generis*. Это было продолжением почтенной европейской традиции, которая действовала и в России. Согласно ей, поэтическое слово обладало способностью победить время и обеспечить вечную славу [Клейн 2015: 38–40]; вспомним державинский “Памятник”: “Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный. . .”. Это значит, что можно было считать военные оды такими же “памятниками”, как, например, мраморную колонну в царско-сельском Большом пруду, которая была воздвигнута в память победы 1770 г. над турецким флотом в Чесменской бухте. Окказиональная лирика вносила, таким образом, свой вклад в военную мемориальную культуру XVIII века — наряду с окказиональной архитектурой. Создавались также картины и статуи, медали и камеи [Hartley 2008: 170–171]. С той же целью были введены в наше время “Дни воинской славы России”.

Лирические темы; стиль

Военные стихотворения были часто очень объемными (нередко больше сорока десятистрочных строф). Гром российской славы наполняет в них вселенную, отечественные войска спешат от победы к победе. Российский орел парит над облаками, далеко внизу трепещут враги. Победы одерживаются почти всегда легко и быстро, враги рассыпаются как пыль.

Некоторые поэты, правда, не только торжествуют, но также скорбят о павших героях, как, например, Херасков в седьмой строфе оды 1788 г. на взятие Очакова [Херасков 1788]. Державин утешает в 37 строфе измаильской оды вдов и сирот погибших солдат [Державин 1868: 237–247]. Гуманизм, который играет здесь второстепенную роль, выходит на первый план в другом стихотворении Державина — в “Осени во время осады Очакова” 1788 г. Здесь речь идет о матери семи сыновей, которая тоскует о супруге, участвующем в осаде Очакова. Лирический субъект разделяет ее тревогу и внушает ей надежду на возвращение любимого человека [Державин 1868: 156–159]. Одно стихотворение А. И. Бухарского также относится к осаде Очакова [Бухарский 1790]. Автор сообщает в предисловии, что он создал свой текст, который имеет жанровую форму стихотворного послания, на основе частного документа — письма, которым названный по имени офицер, впоследствии погибший, обратился к жене накануне штурма крепости. Стихотворение достойно

внимания и тем, что в нем выражается неоднозначное отношение к военному долгу и героической смерти.

Некоторые авторы выражают усталость от войны, как, например, у Ломоносова в оде 1759 г. на именины Елизаветы Петровны и “на преславные ЕЯ победы, одержанные над королем прусским” в Семилетней войне [Ломоносов 2011: 586–594]. В 23 строфе жители “цветущего Парнаса”, т. е. профессора Петербургской академии, тоскливо ждут Божьего голоса: “«Еще победа — и конец, / Конец губительных брани»”. Дальше они восклицают: “О Боже! Мира Бог, возстани, / Всеобщу к нам любовь пролей, / По имени Петровой дщери / Военны запечатай двери¹⁵, / Питай нас тишиной Твоей”. Такая же тоска пронизывает оду С. С. Боброва 1793 г. на “Конец войны при Дунае” [Бобров 2008: 159–161].

Иногда выражается и сострадание к побежденным врагам, как у Ломоносова в 19 строфе его оды 1761 г. на восшествие на престол Петра III [Ломоносов 2011: 682–690]. Явно учитывая немецкое происхождение царя, Ломоносов апеллирует к его сочувствию “Германии”, которая “плывет” “по собственной крови”. Такой же мотив мы находим у В. И. Майкова в оде 1772 г. на победу над турецким флотом в Патрасском заливе [Майков 1966: 226–229]. Библейская Агарь фигурирует здесь как прамамень турок. В третьей строфе она внимает “воплям” своих “сраженных ныне чад”, которые были “исторгнуты” из ее “объятий нежных”. В стихотворном послании 1791 г., которым Николев обращается к участвовавшему в штурме Измаила другу, лирический субъект восклицает: “Несчастный Измаил!” [НЕС 1791, 60: 53–59, стих 17].

Однако гуманистические чувства этого рода не типичны для русской военной лирики XVIII века. Царствует скорее торжествующий, нередко хвастливый тон ура-патриотизма. Почти везде выражается сознание огромного военного превосходства российских войск над врагами. С Божией помощью им то и дело удастся унижить “гордого” неприятеля. Лирический субъект нередко обращается к побежденным врагам с укоризненно-насмешливыми апострофами. Один из многих примеров мы находим у Ломоносова в 16 и 20 строфах хотинской оды [Ломоносов 2011: 14–27].

В оде 1794 г. В. Г. Рубана на именины Екатерины II и на взятие Варшавы выражается ненависть к врагам: поляки ринулись, “в бешенстве пылая яром”, на “безоружных россиян”, т. е. имеется в виду резня, действительно устроенная польскими повстанцами в русском гарнизоне Варшавы [НЕС 1794, 101: 60–64, стр. 3]. Не упоминается, что русские войска в том же 1794 г. страшно отомстили врагам за эту резню при

¹⁵ Т. е. ворота древнеримского храма Януса: закрыть их значило кончить войну. Перед нами типичный для русского барокко синкретизм, ведь то божество, о котором идет речь в процитированных стихах, является не языческим, а христианским Богом, с большой буквы.

взятии варшавского пригорода Праги. Такую же ненависть вызывают у молодого М. Н. Муравьева и турки в его оде 1774 г. на заключение мира с Османской Портой [Муравьев 1967: 109–113, стр. 6].

Подобные чувства встречаются редко, гораздо более распространено чувство презрения. Оно выражается такими инвективами, как “злодеи”, или, если речь идет о турках, “варвары” или же “неверные”. Употребляется по адресу турок целый арсенал обидных метафор: “чудовища”, “драконы”, “гидры”, также “саранча”, “враны”, “тигры”, “волки”, ядовитые “змеи” и даже “скорпионы”. Предполагаемая недостойность турок проявляется прежде всего в том, что они, несмотря на подавляющее численное превосходство, трусливы, что они часто обращаются в бегство, покрывая себя позором.

Однако есть исключения и в этом отношении. В оде Петрова на взятие Очакова главнокомандующий Потемкин выступает как рыцарственный победитель, который отдает должное храбрости врагов; здесь мы также находим уважительный портрет турецкого полководца [Петров 1811, 2: 25–49, стр. 33, 7]. В пятой строфе оды Сумарокова 1758 г. “О Пру[с]ской войне” мы сталкиваемся с таким же благородством по отношению к Фридриху II. Прусский король-полководец ставится на одну ступень с Александром Македонским: он велик, превосходит его только императрица Елизавета Петровна [Сумароков 1774: 45–50].

Другое дело, если речь идет о султанах, который может изображаться жалкой фигурой: в шестой строфе оды Аполлона А. Майкова (деда поэта Аполлона Н. Майкова) “На победы, одержанные всемогущим оружием российским” 1790 г. слишком уверенный в победе султан был “пронзен” “перуном росским”, от чего “ниспала” на землю его чалма [Майков 1790]. У Николева “гордый паша” теряет при взятии Измаила не только чалму, но вместе с ней и голову: “С главой падет чалма [. . .] с чалмою изумруды, / Драгое божество тиранския души”¹⁶.

Изображая военные события, авторы прибегают к приемам “баталистики”, введенным в русскую литературу Ломоносовым [Кузьмин 1974: 67–71]. Баталистика отличается большим количеством глаголов движения и стаккато-ритмами, производимыми посредством бессоюзных перечислений в связи с какофонической инструментровкой. К этому присоединяются ослепительный свет метафорических молний, оглушительный шум пушек и серный запах пороха. Авторы не чуждаются безграничного, часто апокалиптического гиперболизма; битва уподобляется извержению вулкана, землетрясению и огню геенны. Поле сражения покрыто горами трупов, кровь течет рекой. Создаются

¹⁶ Речь идет о строфическом “Послании князю Дмитрию Горчакову [. . .]” в: [НЕС 1791, ч. 60: 53–59, стр. 11].

картины страшно-грандиозной красоты. Они должны не ужаснуть читателя, а вызвать в нем тревожно-восхищенное удивление. Мы тут сталкиваемся со “смешанными чувствами”, характерными для эстетики возвышенного [Zelle 1987].

В русской военной поэзии XVIII века можно различить два основных типа композиции (при наличии переходных форм). Большинство авторов придерживается традиционной композиции торжественной оды, т. е. лирического *beau désordre*. Однако они нередко добиваются и сюжетной линейности, как, например, молодой Муравьев в своей оде 1170 г. на случай кагульской битвы, Державин в оде 1790–1791 на взятие Измаила или Петров в своей оде 1790 г., созданной по тому же случаю¹⁷. Петров прибегает даже к сюжетной увлекательности (стр. 4–5). Такой композиции соответствует у него ассоциативная близость к классическому эпосу; подобно Николеву и другим авторам, Петров уподобляет Измаил гомеровской Трое (стр. 1)¹⁸. Соответственно, военный сюжет является у него не борьбой добра против зла, а героическим состязанием эпических бойцов, причем сравнение врага с животным лишено обидного значения: “Но Турк, в отчаяньи свирепом, / Как тигр дерется пред вертепом, / За чад, зияя и ревя” (стр. 18).

Одна черта соединяет почти все военные стихотворения — скудость фактического содержания. В подавляющем большинстве случаев царствует принцип идеализирующей абстракции; только Ломоносов и Державин со своей любовью к конкретным подробностям являются в какой-то мере исключениями из этого правила [Кузьмин 1975: 89]. О штыках, мушкетах и гранатах, о картечи, огнедышащих каре и кавалерийских атаках мы читаем очень редко, зато часто — о молниях Перуна. Солдаты — не простые русские, а идеальные “россы”, которые нередко фигурируют в упоминавшемся выше коллективном единственном числе: “росс”. Турки называются “с[а]рацинами” (с намеком на крестовые походы) или библейскими “агарянами”, шведы — “готами”, поляки — “сарматами”. Черное море и Днепр, места действия турецких войн, носят иногда свои греческие имена “Евксин” и “Бористен”.

Авторов объединяет стремление перевести известные военные факты как можно более изобретательным или изящным способом на другой “язык” — на язык высокого стиля [Кузьмин 1971: 223]. Этому соответствует богатая и пестрая образность; широко представлены мотивы классической мифологии и истории. Мы также сталкиваемся с барочным богатством тропов, которые, в свою очередь, компенсируют

¹⁷ [Муравьев 1967: 81–83; Державин 1868: 237–247; Петров 1811, 2: 76–99]; о Петрове см. в данной связи: [Алексеева 2005: 288–291, 304–305].

¹⁸ См.: [Vacheva 2013: 323–325].

склонность к идеализирующей абстракции. Наряду с метафорами и сравнениями используется множество аллегорий, чем барочная тенденция выражается особенно отчетливо. В третьей и четвертой строфах оды Майкова 1774 г. на турецкий мир [Майков 1966: 240–247] находим, например, аллгорию зависти — того нехорошего чувства, которое испытывают пораженные неприятели к россиянам: “Лицо иссохшее имея, / Бледнеет Зависть, как лилея, / Российские успехи зря; / Ярясь, сама себя терзает, / [. . .] / Зубами ржавыми скрежещет / В жестокой ярости своей”. Не менее впечатляющую аллгорию встречаем у Николева в оде 1791 г. “на победы, одержанные российским воинством на суше и на водах” [НЕС 1791, 65: 3–14]. В 14 строфе отечественные войска предстают в образе геральдического орла, причем находятся в смертельной опасности не только турки, но и метафорическая логика: “С налету топчет, бьет и душит, / И рьяна гнева не потушит, / Полполя жертвами устлав, [. . .] / Валит их кучи тел рядами, / На ногть цепляет по сту глав”.

Военные поэты блистают не только изобретательностью, но также эрудицией. Они роетae *docti* — ученые поэты. Некоторые из них (в первую очередь — Петров [Алексеева 2005: 283–288], но также Бобров и другие авторы) употребляют архаический язык. Этому противостоит более простой стиль Хераскова и других классицистов, которые придерживаются принципа “простого возвышенного” — *le sublime simple*. Ф. Я. Козельский обнаруживает в своей оде 1769 г. на взятие Хотина удивительную эрудицию исторического и филологического порядка [Поэты XVIII века 1972: 489–494]. Другие поэты щеголяют ученой изысканностью тропов. Бобров, например, говорит в третьей строфе оды на “Конец войны на Дунае” 1793 г. не о российской артиллерии, а о стимфалидах, летящих чудовищах греческой мифологии; стимфалиды срывают знаки османского государства с мечетей завоеванных городов: “Там *стимфалиды*, возлетая, / Носами медными ревут, / И, в кольцах дым из них рыгая, / Луны рога на башнях рвут” [Бобров 2008: 159–161; курсив Боброва].

Патриотизм

“Мы смерть прияли за богиню”¹⁹

Однако поэты хотели демонстрировать не только свое искусство, но также свой патриотизм²⁰. Он носит скорее политический, чем религиозный характер. Если, например, речь идет о войне с (протестантской)

¹⁹ Так говорят погибшие герои в 19 строфе оды Ломоносова 1759 г. на именины Елизаветы Петровны и на “преславные ЕЯ победы в Семилетней войне” [Ломоносов 2011: 586–594].

²⁰ См. [Гуковский, Евгеньев-Максимов 1943]; эта книга не была мне доступна.

Швецией, то элемент религиозного противостояния не играет особой роли: он сводится к стереотипным и неконфессиональным упоминаниям о том, что Бог на стороне русских. В стихотворениях о войнах с турками религиозный элемент более заметен, но отделить его от политического содержания не всегда легко.

Русские солдаты военных стихотворений дерутся и умирают не за Бога и веру, не за народ или нацию, а за императрицу, которая, в свою очередь, олицетворяет отечество²¹, т. е. полиэтническое российское государство. Царь и отечество воспринимались как двуединство. Эти понятия отделились друг от друга только к концу XVIII века²²: теперь можно было критиковать царя и тем не менее — или именно поэтому! — слыть патриотом²³. Это было начало того пути, который вел к восстанию декабристов в 1825 г.

Великодержавное сознание

В русской военной лирике XVIII века мы сталкиваемся с двумя видами патриотизма — радикальным и умеренным. Различие состоит в отношении авторов к войне. О критике военной политики Екатерины II не могло быть и речи: демонстрировать свой патриотизм значило восхвалять ее и ее режим. Но можно было при этом придерживаться разных принципов. Для умеренных патриотов война была неизбежным злом, которое требовало нравственного оправдания в гуманистическом духе просвещенной эпохи. Другое дело — радикальный патриотизм, которому были чужды апологетические соображения этого рода; сначала остановлюсь на нем.

Этот радикальный патриотизм отличается великодержавным сознанием, отнюдь не вымершим в столетии Просвещения ни в России, ни в Европе [Каменский 1992: 210–230]. Для такого сознания война является испытанным и позвольительным средством для осуществления внешнеполитических претензий. С этой точки зрения российская история предстает процессом неудержимой территориальной экспансии под знаком того имперского величия и той отечественной славы, к которым авторы военной поэзии постоянно апеллируют.

Великодержавный патриотизм встречается, например, у Ломоносова, который продолжает в этом отношении политическую линию Петра I [Марасинова 2004]. Его, правда, часто хвалят за миролюбие, которое выражается в начальных строках знаменитой оды 1747 г.: “Царей и

²¹ Историю этого понятия см.: [Schierle 2007; Ширле 2012, 224–225].

²² Эта диссоциация понятий наблюдается в России впервые у Фонвизина, см.: [Schierle 2007: 155–156]; см. также: Dixon 1999: 206–209].

²³ См.: [Jones 1984: 51–52], который говорит о “патриотизме против режима”.

царств земных отрада, / Возлюбленная тишина” [Ломоносов 2011: 176–186]. Однако Ломоносов был придворным поэтом, который мог писать разные тексты в разных ситуациях. Его ода 1761 г. на годовщину восшествия на престол Елизаветы Петровны возникла во время Семилетней войны [Ломоносов 2011: 673–681]. Она содержит в 13 строфе похвалу войны, которая хороша тем, что “плоды свои растит, / Героев в мир рождает славных”; в предшествующей строфе мы читаем: “Необходимая судьба / Во всех народах положила, / Дабы военная труба / Унылых к бодрости будила [. . .]”. В Европе XVIII века такое убеждение не было редкостью; оно основывалось на авторитете таких классических авторов, как Ливий или Тацит [Neuer 2015: 353].

Своеобразие ломоносовского патриотизма видно в оде на взятие Хотина 1739 г. [Ломоносов 2011: 14–27]. В 12 строфе выступают два “героя” русской истории. Один из них — Петр I, победитель Полтавского сражения. В типичной для одического стиля прозопопее он обращается ко второму “герою” — Иоанну IV, завоевателю Казани, и поздравляет его и себя с военными успехами:

Герою молвил тут Герой:
“Нетщетно я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб Россов целой свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
[. . .]”.

Для Ломоносова завоевание чужих областей является естественной задачей властителя²⁴, что в раннее Новое время соответствовало распространённому пониманию роли монарха, в особенности абсолютного монарха²⁵. Мы встречаем это представление также в нестрофическом стихотворении Державина “На взятие Варшавы” 1794 г. Петр I в ней хвалит Екатерину II за то, что она “распространила” российскую территорию и “славой всех нас покорила” [Державин 1868: 443–448, ст. 89–90]. В шестой строфе анонимной оды 1789 г. “На победы россос над турками и шведами” речь идет даже о российском господстве над миром. Здесь выступает не Петр, а Бог, который вещает: “Моя держава повелела / Чтоб россос сила в век гремела, / Да покорен ей будет свет!” [Ан. 1789]. У Майкова мы читаем сходное. В конце его “Оды победоносному российскому оружию” 1770 г. лирический субъект обращается через пропасть

²⁴ См., например, 17 строфу ломоносовской оды 1745 г. на свадьбу великого князя Петра Федоровича, впоследствии Петра III [Ломоносов 2011: 113–121].

²⁵ [Kunisch 1992: 39] приходит к выводу, что не может быть сомнения “в склонности абсолютной монархии к войне и экспансии”.

веков к римскому императору Августу, чтобы подчеркнуть уникальное величие Екатерины II: “О, Август, власть твоя скончалась. / Екатерина увенчалась / Вселенной всей повелевать” [Майков 1966: 219–222].

Великодержавный патриотизм проявляется особенно наглядно в одном мотиве классической мифологии, который был введен в русскую поэзию Ломоносовым, — в гигантомахии [Пумпянский 1935: 114–116]. Этот мотив пользовался большой популярностью среди авторов военной лирики. Они то и дело уподобляют воспеваемую им войну войне с гигантами, человекоподобными чудовищами огромной величины и силы, которые восстали против богов, за что и были жестоко наказаны. Политический смысл гигантомахии заключался не только в демонизации врагов: читатели должны были понять, что воевать против России так же безнадежно и так же преступно, как воевать против богов. Гигантомахия должна была окружить внешнеполитические амбиции Российской империи ореолом божеского миропорядка.

Мотив гигантомахии употреблялся особенно часто в связи с подавлением польского восстания 1794 г. Мы находим его в пятой и шестой строфах оды В. Г. Рубана 1794 г. на именины Екатерины II [НЕС 1794, 101: 60–65] и в третьей строфе анонимной “Оды на взятие Варшавы” того же года [Ан. 1794]. Дальнейший пример встречается у И. И. Дмитриева, в “Гласе патриота на взятие Варшавы 1794 года” [Дмитриев 1967: 73–74]. Автор известен как один из главных представителей русского сентиментализма. В данном стихотворении он выступает в другой роли.

При этом Дмитриев путает гигантов с титанами. Правда, титаны также восстали против богов, но они, в отличие от смертных гигантов, были бессмертны, т. е. они были богами. Это, конечно, противоречило замыслу Дмитриева и его представлению о “непокорных” поляках. Так, польские “титаны” осмелились мешать миролюбивому правлению Астреи, античной богини мира и справедливости, которая отождествлялась русскими панегиристами с Екатериной II [Wortman 1995: 84–109; Проскура 2006: 57–104]. Стихотворение начинается так:

Где буйны, гордые Титаны,
Смутившие Астреи дни?
Стремглав низвержены, попраны
В прах, в прах! [. . .]

Миролюбивая завоевательница

Отнюдь не всем авторам военных стихотворений было свойственно то великодержавное сознание, которое выражается у Дмитриева таким несентиментальным образом. Как уже было сказано, никому из этих

умеренных патриотов не приходит в голову критиковать воинственную политику Екатерины. Однако они чувствуют потребность оправдать эту политику, соотнести ее войны с древним идеалом “праведной войны” — *bellum iustum*²⁶.

Этот замысел проявляется уже в том, что поэты восхваляют императрицу не только за военные успехи, но одновременно и за миролюбие: подобно Елизавете Петровне, Екатерина II слыла — или хотела слыть — правительницей, которая воевала нехотя, только по человеколюбию: “кротость” является общей чертой обеих правительниц²⁷. У Державина, например, мы читаем в третьей строфе оды 1790 г. на заключение Шведского мира [Державин 1868: 219–221], что Екатерина пролила кровь только “по нужде”. В конце стихотворения лирический субъект обращается к ней со следующими словами: “Слеза, щедротой извлеченна, / Тебе приятней, чем вселенна, / Приобретенная войной!” Другой вариант этого мотива встречается в третьей строфе оды Домашнева 1769 г. на взятие Хотина [Домашнев 1769]: Екатерина имеет “милосердие [. . .] сердце”; своими войсками она старается помочь тем людям, которые терпят гонения “в чужих странах”, причем имеются в виду христианские меньшинства Османской империи. Екатерина говорит затем:

“Я утесненных защищу,
Да человечества там права
Восстановит моя держава,
Я славы в счастья их ищущу”.

Мифу о кроткой Екатерине II служит также популярное в столетие Просвещения общее место, которое встречается в русской литературе с начала 1760-х гг. Это — противопоставление “истинной” славы миролюбивого правителя и “ложной” славы завоевателя [Клейн 2015: 62]. См., например, вторую строфу оды 1792 года Г. Г. Политковского на турецкий — Ясский — мир 1791 г. [НЕС 1792, 69: 31–40] или 26 строфу оды А. Севастьянова 1793 г. по тому же случаю [НЕС 1793, 88: 21–35]²⁸.

Екатерина приобрела репутацию миролюбивой монархини уже в 1762 г., в начале своего царствования. Она поддержала тогда очень спорное решение своего супруга и предшественника на престоле, свергнутого ею Петра III: он неожиданно прекратил участие России в Семилетней

²⁶ См. об истории этой идеи в России [Ferretti 1998, 120–121].

²⁷ См. в связи с “кротостью” Елизаветы Петровны стр. 5–8 ломоносовской оды 1757 г. на рождение великой княгини Анны Петровны [Ломоносов 2011: 570–576]; см. также третью строфу сумароковской оды 1758 г. “Государыне императрице Елисавете Первой” [Сумароков 1774: 40–44]. Называя Елизавету Петровну “Елисаветой Первой”, Сумароков льстит ей, уподобляя ее отцу — Петру I.

²⁸ Севастьянов почему-то датирует этот мир в дедикационном заглавии своего стихотворения не 29 декабря 1791 г., а 2 сентября 1793 г.

войне, отказываясь при этом без всякой компенсации от завоеванной и тем временем аннексированной Восточной Пруссии. Патриотическое возмущение этим решением отразилось в поэзии — у Ломоносова, Сумарокова и др. [Клейн 2015: 281–283]. Однако после длительной и разорительной войны пришлось также считаться с общей усталостью [Бильбасов 1900: 205]. Уверения Екатерины в миролюбии звучали вполне убедительными и впоследствии [Schirpan 2001: 251–252].

Однако обстоятельства изменились в течение Первой турецкой войны. Военные успехи 1770 г., этого *annus mirabilis* российского оружия, позволили Екатерине выступать в новой для нее роли победительницы и достойной в этом отношении преемницы Петра Великого. Однако она при этом не хотела отказаться от репутации миролюбивой монархини. Ведь миролюбие было одной из главных добродетелей просвещенного монарха. Преимущество этой двойственности проявлялось в состязании Екатерины II с Петром I за большую славу [Rasmussen 1978]. Как победительница, она равнялась с ним; как миролюбивая монархиня, она превосходила его. Эту двоякую славу императрицы воспевают Державин во второй строфе оды 1790 г. на Шведский мир: “В тебе царя, вождя, героя, / И мироносицу мы зрим” [Державин 1868: 219–221]. Отметим здесь использование грамматического рода: величие Екатерины основывается на двух началах: на мужском, воинственном начале, с одной стороны, на женском, кротком начале — с другой²⁹.

Этот двоякий образ Екатерины нашел также мифологическое выражение. Подобно другим европейским властительницам, Екатерина любила отождествлять себя с Минервой (или Палладой)³⁰ — богиней, которая выступала в двух ролях: не только как воин с шлемом, копьем и щитом, но также как покровительница поэтов и ученых. Стефано Торелли, придворный художник Екатерины, изобразил ее в этом виде на двух крупноформатных картинах³¹. Одна из них показывает Екатерину как торжествующую над турками и татарами Минерву (1772, Государственная Третьяковская галерея), другая — как Минерву, патронессу искусства и литературы (1770, Государственный Русский музей).

Праведная война

Итак, поэты воспевали Екатерину не только как победоносную, но и как миролюбивую правительницу, не видя в этом противоречия. Это требовало от них, чтобы они представили ее войны как “праведные”.

²⁹ О “гендерных” аспектах поведения Екатерины и ее изображениях см.: [Вачева 2005, Проскурина 2006: 19–35].

³⁰ См.: [Wortman 1995: 110–146; Schnettker 2014].

³¹ Указанием на эти картины я обязан Эрин Макберни (Erin McBurney).

Для этого было проще всего изобразить врагов как олицетворение мирового зла, против которого российские войска борются с Божьей помощью. Такая схема лежит в основе почти всех наших текстов, однако она проявляется у некоторых авторов, писавших о турецких войнах, особенно рельефно. Так, например, у И. Селецкого в оде 1769 г. на взятие Хотина [Селецкий 1769] или у И. И. Виноградова в оде “Храброму российскому воинству” 1788 г. [НЕС 1789, 31: 80–86].

Другое — более конкретное — оправдание войны опиралось на то, что в обеих Турецких и в Шведской войнах объявила войну не Россия, а ее противники. Поэтому можно было осмыслять эти войны как защитные, что, однако, соответствовало действительности только в случае Шведской войны (Турецкие войны носили в основном завоевательный характер). Ода Петрова 1769 г. “На войну с турками” вся пронизана пафосом защиты отечества от страшного врага, который уподобляется огромному рою саранчи [Петров 1812, 1: 33–39, строфы 7, 9]. В оде Хераскова на взятие Хотина того же года печаль о якобы нарушенном турками мире является главной лирической темой [Херасков 1769] (на самом деле такого нарушения мира не было: когда султан объявил войну, российские войска воевали в Польше, недалеко от границ его империи).

В то время как Турецкая война 1768–1774 г. развивалась для России чрезвычайно выгодным образом, изменялась перспектива. Поэты прибегали теперь к другим аргументам для оправдания войны, изображая ее, например, как чисто религиозную и при этом наступательную войну. В шестой и седьмой строфах оды Майкова 1770 г. на взятие турецкой крепости Бендеры выступает Христос, обращаясь ко всем “земнородным”: “Вручаю гром Екатерине, / Да правит оным на земли; [. . .] Она возвысит верных рог, / Она не чтущих мя накажет / И свету целому покажет, / Что я един во оном Бог” [Майков 1966: 216–219]. В оде Петрова 1788 г. на взятие Очакова победители превратили мечеть завоеванного города в христианскую церковь. Такая же судьба грозит превращенному турками в мечеть “храму Софии” после якобы предстоящего завоевания Стамбула [Петров 1811, 2: 25–49, стр. 36, 39–40].

В других текстах религиозный мотив сочетается с гуманистическими соображениями: следовало избавить христианские меньшинства Османской империи, прежде всего греков, от “турецкого ига”. В 14 строфе оды Хераскова 1769 г. “российскому воинству” этот мотив показан в духе сентиментализма [Херасков 1961: 64–68]: читатель должен сочувствовать угнетенным братьям по вере. Херасков при этом не упускает возможность защитить Россию от подозрения в злых — экспансионистских — замыслах. Лирический субъект обращается к российским солдатам со следующими словами:

Не нужно россам простирать
Обширных стран своих пределы;
Но долг — противников карать;
А паче просит вас туда,
Народов плач, мольба, беда,
Соединенных вам законом;
Они в оковах тяжких там
Простерли слабы руки к вам
И воздух наполняют стоном.

Сочувствие грекам сочетается у Петрова с исторической претензией особенного характера. В 16 строфе его оды 1788 г. на взятие Очакова русские войска завоевали территорию, которая когда-то была заселена древними греками [Петров 1811, 1: 25–49], т. е. российская армия якобы возвратила Европе то, что ей всегда принадлежало. Россия предстает в этом свете благородной поборницей общеевропейских интересов. Помимо этого, она может чувствовать себя наследницей древней Греции, и не только в политическом, но и в культурном отношении: победоносная Россия призвана воскресить древнегреческую культуру, что полностью соответствовало грекофильским фантазиям Екатерины II [Зорин 2001: 31–64]. При этом дает себя заметить также просвещенческое чувство культурного превосходства по отношению к туркам, которые упрекаются в бескультуре и, как мы уже знаем, называются “варварами”³².

В девятой строфе сумароковской оды 1770 г. на годовщину коронации Екатерины II чувство культурного превосходства над турками выражается особенно наглядно. Мы здесь читаем, что Россия должна обновить уничтоженную “невежественными” турками древнегреческую культуру [Сумароков 1774: 151–155]:

Страна презренна и пуста,
Где прежде Музы обитали.
О вы прекрасные места,
Что были вы, и что вы стали?
Вы днесь невежеству игра.
О ты, священная гора [= Олимп. — И. К.],
И вы потоки Иппокрены,
Геройски гробы и Парнас!
Освободит Россия вас,
И обновит Афински стены.

³² Вспомним, кстати, что тогда упрекали в варварстве не только турок, но и самих русских [Ермасов 2004]. О соответствующем образе русских в немецкой поэзии о Семилетней войне см.: [Keller 1987: 314–330].

Официальная любовь к грекам нашла, как известно, с конца 1770-х гг. у Екатерины и ее советников программное выражение в “Греческом проекте” [Маркова 1958; Hösche 1964; Griffiths 1967; Ragsdale 1988]. Императрица мечтала не только освободить Грецию, завоевать Стамбул и освободить Европу от турок, она также хотела восстановить Византийскую империю, для престола которой она назначила Константина Павловича, своего второго внука. Византийская и Российская империи должны были династически соединиться на вечные времена.

Державин и Греческий проект

В русской военной поэзии XVIII века симпатия к грекам и мечтания о завоевании Стамбула встречаются не так уж редко; однако Греческий проект мне удалось найти только у одного поэта — у Державина: в пятой строфе его оды 1784 г. “На приобретение Крыма” и в его оде 1790–1791 гг. на взятие Измаила³³. Нужную информацию ему обеспечила, по-видимому, его близость к придворной знати — ведь Греческий проект держался в тайне³⁴.

Измаильская ода Державина занимает специальное место в военной лирике, поскольку патриотический восторг сочетается здесь с мыслями о международной миссии России и ее политическом статусе среди великих держав Европы: Россия предстает здесь уже не только членом в узком кругу великих держав, но претендует на руководящую роль среди них. Державин этим явно угадал заветные мысли императрицы, которая вознаградила его за измаильскую оду осыпанной бриллиантами золотой табакеркой³⁵.

Строфы 29–33 этого стихотворения заслуживают в политическом отношении особенного внимания. Они содержат речь, с которой лирический субъект обращается к европейским державам, предупреждая их от засилья османов. Однако это предупреждение было не очень убедительным: ведь мало кто не знал, что когда-то мощная Османская империя находилась в жалком состоянии, особенно в военном отношении, так что она уже успела прослыть “больным человеком Европы”³⁶. Сомнительная мысль об опасности осман была нужна Державину для того, чтобы пристыдить Англию и Пруссию, а также Австрию за то, что

³³ [Державин 1868: 126–127; 237–246]; см.: [Зорин 2001: 98–99, 131].

³⁴ См.: [Ragsdale 1988: 97, 98, 108, 111]. Однако кажется, что этот секрет не соблюдался слишком строго, иначе бы не напечатали измаильскую оду на счет “Кабинета е. и. в.” [СК, I: 281].

³⁵ См. “Объяснения”, которыми Державин комментировал свои стихотворения на старости лет: [Державин 1870, 3: 493].

³⁶ [Davies 2016: 17–18]; о печальном состоянии турецкой армии см.: [Ungermann 1906: 14–21].

они сопротивлялись экспансионистским планам России [Madariaga 1982: 393–426] вместо того, чтобы участвовать в ее героической борьбе против турецкой “угрозы”. В 30 строфе измайльской оды мы читаем:

[. . .] Росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирать ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить Крестовые походы,
Очистить Иордански воды,
Священный гроб освободить,
Афинам возвратить Афины,
Град Константинов Константину
И мир Афету водворить.

С точки зрения Державина, исторической миссией России было спасти Европу от воинственных народов востока, которые олицетворяются в образе “Темира”. Имеются в виду, конечно, турки, которые презрительно называются “Омарами” (по образцу восточного имени Омар. В “Объяснениях” Державина читаем: “Омар, зять Магомета, завоевавши Александрию, сжег славную библиотеку” [Державин 1870, III, 493]). Державин считает, что следует защищать европейскую культуру от турок, то есть от турецкого варварства, причем он руководствуется уже известным нам просвещенческим представлением о мусульманском “бескультурие”.

Однако миссия России носит у Державина не только оборонительный характер. Ведь он уподобляет общеевропейскую войну против Османской империи крестовым походам: нужно было завоевать Святую землю и освободить ее от господства неверных. Помимо этого, Державин требует и завоевания Стамбула, что выражается игрой слов: “Град Константинов” надо вернуть “Константину”, т. е. Константину Павловичу, будущему императору воскресенной Византийской империи³⁷. Эта квазитавтологи́ческая формулировка намекает на предполагаемые права России на византийское наследие.

После этого полета политического воображения Державин считает нужным успокоить политическую совесть читателей подчеркиванием моральной безупречности российских целей. В самом конце процитированной строфы лирический субъект поэтому уверяет европейские государства: главная цель российской политики заключается в том, чтобы достичь мира для Европы, которая, в свою очередь, олицетворяется библейским персонажем Иафетом, одним из трех сыновей Ноя.

³⁷ В таком же духе речь идет о Константине Павловиче в пятой строфе державинской оды “На приобретение Крыма” [Державин 1868: 126–127].

Аннексионная лирика

“[...] присоединены
к Российской империи
без кровопролития
апреля 8 дня 1783 года”³⁸

Нуждались в нравственном оправдании не только войны эпохи, но и “присоединения” тех огромных территорий, которые упоминались в начале данной работы, — Крымского ханства и польских областей. Вспомним кстати, что имя Крымского ханства относится не только к известному полуострову, но также к тем обширным степям, которые тянулись с Днепра по северному побережью Черного моря через Азов до Кубани.

Элемент оправдания присутствует уже в официальной характеристике крымской аннексии как мирной; этой теме посвящена вся ода Державина “На приобретение Крыма” 1784 г. [Державин 1868: 126–127]³⁹. Кажется, что аннексия проводилась действительно без кровопролития, но, конечно, в присутствии оккупационных сил. Кроме того, аннексия как Крымского ханства, так и польских областей имела значительную предысторию интервенций со стороны российской армии. Можно добавить, что в критические годы 1782–1784, а также впоследствии большая часть крымского населения эмигрировала в Османскую империю [Fisher 1970: 145–146].

Кроме Державина, посвятили свои стихотворения крымской аннексии еще два анонимных поэта [Ан. 1783; Ан. 1784]. Оба они изображают эту аннексию как счастливое для населения Крыма событие⁴⁰. Это, конечно, грубое искажение фактов. Однако оно едва ли смущало тогдашних читателей, давно привыкших к риторике придворной литературы. Они прекрасно понимали, что эта литература, в частности и военная поэзия, имела только одну цель — нравиться адресату, т. е. прежде всего монарху. Что путь к этой цели вел не через любовь к истине, также было известно; современная публицистика не уставала

³⁸ См. обратную сторону памятной медали, посвященной аннексии Крымского ханства. Процитированный фрагмент относится к изображенной на медали географической карте аннексированных областей в: [Treasures 2000: 64]. Сама аннексия представлена здесь как “[с]ледствие мира”, т. е. как достижение миролюбивой политики.

³⁹ Заголовок первого издания этой оды гласит: “Ода на присоединение без военных действий к Российской державе таврических и кавказских областей или на учиненный договорами с Оттоманскою портою мир 1784 года” [Державин 1868: 128]. Названный здесь “мир” относится к состоявшемуся 28 декабря 1784 г. признанию аннексии со стороны Османской империи.

⁴⁰ См. также пятую, посвященную похвале Екатерины строфу стихотворения Державина “Решемыслу” 1783 г. [Державин 1768, I: 118–121].

разоблачать “лесть” как главное зло придворной жизни [Whittaker 2003: 162–163].

Первое из названных двух стихотворений носит заглавие “Ода на взятие под российскую державу Крыма и Кубани” [Ан. 1783]. Оправдывающая аннексию Крымского ханства гуманистическими доводами, автор имплицитно прибегает к широко распространенному в панегирической поэзии мотиву, который был не менее далек от истины, чем “счастье” завоеванных народов. Это — мотив золотого века, якобы наступившего для России с царствованием Екатерины II [Baehr 1991: 112–113, 114–120]: благодаря ее мудрому правлению счастливая Россия пользовалась господством справедливости, благосостояния и просвещения. Понятно поэтому, что во второй строфе данного стихотворения другие народы желают разделить это блаженство, и что их правители охотно подчиняются Екатерине II, добровольно отказываясь от своей власти. Метафоры “света” и “тьмы” при этом говорят о том, что речь идет о “варварском” населении Крымского ханства, которое жаждет лучшей жизни под просвещенной эгидой Екатерины II:

[. . .] целые народы,
 Обширны земли, дальны воды,
 К Ея [= Екатерины II. — И. К.] поверглися стопам.
 Цари венцы свои слагают,
 К Ея престолу прибегают,
 Дабы подвластным им странам,
 Доставить счастья совершенство,
 Россия коим днесь цветет;
 Печали обратить в блаженство;
 Во мраке их дать новый свет.

В четвертой строфе стихотворения метафорика света и тьмы продолжается; лирический субъект восклицает здесь: “Востани [sic! — И. К.], Крым! твой сон прервался, / Тебе наступят ясны дни.”

Предыдущая — третья — строфа подчеркивает гуманистические побуждения императрицы. Будучи правительницей “многих столь земель”, она отнюдь не стремится к расширению своих территорий: “Не титлом новым украшаясь, / Благотвореньем утешаясь, / Народов польза, та есть цель, / Для коей матерски сломилась / Простерть на оных скипетр Свой: / К их благу мыслью устремилась, / Еще убавив свой покой”.

О счастье, которое ждет население аннексированных земель, говорят и те стихотворения, которые восхваляют результат польских разделов. Так обстоит дело, например, в стихотворном послании 1772 г.

П. С. Потемкина “на приобретение Белой России”, т. е. на аннексию, осуществленную в рамках Первого раздела Польши. Лирический субъект поздравляет население этих областей с освобождением от польского угнетения: “Твой глас услышал Бог от высоты святых, / Стенание твое и слезы прекратил” [Потемкин 1772, ст. 81–82]. Ода Хераскова 1793 г. относится ко Второму разделу Польши 1793 г. Она была, как гласит дедикационный заголовок, “поднесена” Екатерине “по случаю присоединения от Речи Посполитой-Польской к Российской Империи областей [. . .]” [Херасков 1793]. Здесь мы читаем, что аннексированные территории получили доступ в “[б]лаженства [. . .] храм” (стр. 6). Другой, идеологически усложненный вариант этой темы найдем у Петрова в оде того же года “На присоединение польских областей к России” [Петров 1793].

Русская военная поэзия в эпоху Просвещения

“Худой мир лучше доброй брани”⁴¹

Массовый характер военной поэзии не должен нас ввести в заблуждение относительно культурного климата екатерининской России. Наряду с триумфальной военной поэзией процветала здесь и литература совсем другого типа. Речь идет о таких антивоенных мыслителях, как С. Е. Десницкий (1740–1789), Я. П. Козельский (1729–1794) и прежде всего — В. Ф. Малиновский (1765–1814)⁴². Кроме того, нельзя не упомянуть многочисленные переводы, в которых представители европейского Просвещения возмущались ужасами войны, планировали вечный мир и противопоставляли “ложную” славу завоевателя “истинной” славе миролюбивого правителя. Первое место в этой переводной литературе [Schippan 2001] занимал государственный роман Фенелона “Les aventures de Télémaque” (1699 г.). Он вышел многократно в разных русских переводах; его влияния не могла избежать и молодая Екатерина⁴³.

Традиционное право монархов воевать по усмотрению и приобретать бессмертную славу завоеваниями могло казаться читателям этой литературы уже сомнительным. Об этом свидетельствуют не в последнюю очередь усилия военных поэтов — умеренных патриотов — морально оправдать воинственную политику Екатерины II.

⁴¹ [Фонвизин 1959, 1: 236].

⁴² О Малиновском см.: [Ferretti 1998]; см. здесь также обзор русской антивоенной мысли екатерининской эпохи (с. 127–130); см. также [Пушкарев 1990 и Schippan 2012: 278–296].

⁴³ См. документацию в: [Fleischhacker 1978: 30–31]. Однако Екатерина “рекомендовала в качестве снотворного” не оригинал Фенелона, как утверждает исследовательница, а его стихотворный перевод — “Тилемахиду” Третьяковского.

Существовала значительная оппозиция этой политике [Lentin 1971; Jones 1984; Марасинова 1999: 135–136, 138]. К ней примыкали не в последнюю очередь те многочисленные помещики, которых частые рекрутские сборы лишали рабочей силы. Литературным представителем антивоенной оппозиции был Радищев со своим “Путешествием из Петербурга в Москву” (1790)⁴⁴; печальные последствия его мужества известны. Что же касается русских поэтов, то мы уже знаем, что они к этой оппозиции не примыкали, скорее напротив: их сочинения пронизаны государственным милитаризмом, который был, несмотря на миролюбивую риторику императрицы, сравним с милитаризмом тогдашней Пруссии [Keer 1985b].

Среди русских поэтов я нашел только два возможных исключения⁴⁵. Одно из них — В. И. Майков, уже известный нам как автор победных од. Однако его стихотворение “Война” носит другой характер [Майков 1966: 229–233]. Оно вышло в 1773 г., то есть тогда, когда русско-турецкая война 1768–1774 г. после триумфального 1770 года продолжалась безрезультатно, не вызывая уже никакого патриотического восторга. Начатые в марте 1772 г. мирные переговоры тянулись почти год, пока опять не заговорили пушки.

Стихотворение Майкова начинается с риторического вопроса: “Какой ужасный ветер наваял / Тебя, кровавая война?” Следует перечисление военных ужасов, которое достигает апогея в пацифистском стихе седьмой строфы: “Убийца каждый там [т. е. на войне. — И. К.] герой”. Следующая за этим вторая часть стихотворения содержит жалобу на утрату золотого и на наступление железного века.

Вспомним, однако, что в том же 1773 г. Майков написал оду на русскую победу над турецким флотом в Патрасском заливе [Майков 1966: 226–229]. Поэтому трудно верить в принципиальность его же стихотворения “Война”. Думается, что это скорее выражение временной усталости от войны. Так обстоит, по-видимому, дело и с державинской одой 1790 г. на Шведский мир: в седьмой строфе “Герои, любящие бой” и “носящи душу львину”, т. е. храбрые российские солдаты, обвиняются в том, что они “пролили невинну кровь!” [Державин 1868: 219–221]⁴⁶.

⁴⁴ См.: [Jones 1984: 46–49]. Автор ссылается на главы “Городня” (ужас рекрутчины) и “Спасская Полесь” (война и завоевания).

⁴⁵ О теме мира в русской поэзии в эпоху Просвещения см. также [Ferretti 1998, 124–127].

⁴⁶ Тот же самый Державин, правда, писал на старости лет в своих автобиографических Записках о Екатерине следующее: Когда она “привыкла к изгибам по своим прихотям с любимцами, а особливо в последние годы, князем Потемкиным упоена была славой своих побед, то уже ни о чем другом и не думала, как только о покорении скиптру своему новых царств” [Державин 1876, VI: 670].

Среди русских поэтов мне известен только один настоящий противник военной политики Екатерины — молодой Карамзин⁴⁷. Он был одним из очень немногих (если не единственным) поэтов екатерининской эпохи, который не выступил ни с одним триумфально-военным стихотворением. В автобиографических местах его стихотворного “Послания к женщинам” 1796 г. выражается ироничное неуважение к военному делу⁴⁸. Заслуживает внимания также письмо 6 сентября 1794 г. И. И. Дмитриеву. Карамзин комментирует здесь его стихотворение “Глас патриота на взятие Варшавы”: “Ода и глас *Патриота* хороши *Поэзиею*, а не *предметом*. Оставь, мой друг, писать такие пиесы нашим стихокропателям. Не унижай Муз и Аполлона” [курсив Карамзина. — И. К.]⁴⁹.

Однако не ясно, была ли направлена эта критика только против стихотворения Дмитриева и против Шведской войны — или против военно-триумфальной поэзии и войны вообще. В пользу последнего говорит “Военная песнь”⁵⁰, написанная Карамзиным в 1788 г. по поводу начала Шведской войны. Однако он опубликовал ее только три года спустя, т. е. после этой войны, вероятно из осторожности [Карамзин 1966: 67–68]. Стихотворение звучит сначала как кровожадный призыв к войне и героизму, обращенный к “сыну России”. Эта тональность продолжается до шестой строфы, завершающей стихотворение. Тем более поразителен смысловой поворот в самом его конце: “Когда же враг погибнет, / Сраженный храбростью твоей, / Смой кровь с себя слезами сердца: / Ты ближних, братий поразил!”.

В этой связи заслуживает внимания также стихотворение Карамзина “Песнь мира” 1791 года, подражание шиллеровской “Оде к радости” [Карамзин 1966, 106–108]. “Песнь мира” была создана в 1792 г. по случаю заключения мира с Оттоманской Портой, состоявшегося 29 декабря 1791 г.; оно вышло впервые в обыкновенной для окказиональной поэзии форме отдельного оттиска [СК, 2: 19]. Но “Песнь мира” отличается от стихотворений этого типа тем, что в нем нет обращения к Екатерине II ни в заглавии, ни в тексте. Кроме того, нет никаких конкретных указаний на исторические факты; наконец, не фигурируют в тексте ни русские, ни турки, ни победители, ни побежденные. Война упоминается здесь только как зло, которое человечество должно окончательно преодолеть в пользу вечного мира и универсальной любви.

⁴⁷ Другое дело — зрелый Карамзин. См. о его интеллектуальном развитии: [Mitter 1955].

⁴⁸ См.: [Клейн 2010: 352]; об антимиитаризме молодого Карамзина см. также Ю. М. Лотмана в: [Карамзин 1966: 370].

⁴⁹ [Карамзин 1868: 50]; указанием на это место я обязан Е. Н. Марасиновой.

⁵⁰ Не путать с антинаполеоновской “Песнью воинов” 1806 г. в: [Карамзин 1966: 298–299].

Гуманистический пафос молодого Карамзина соответствует уничтожающей своей жестокой иронией характеристике царствования Екатерины II, сделанной им в прозе. Мы находим эту характеристику в исторической статье о Петре III, вышедшей в феврале 1797 г. в гамбургском эмигрантском журнале “Le Spectateur du Nord”. Карамзин говорит здесь: “Екатерина II взшла на царство, и слава ее наполнила мир. Философы были глашатаями этой славы. Друг истины не должен против этого возражать. Но разве ему не позволено счесть число мужчин, женщин и детей, которые заплатили жизнью за тридцать лет этого славного царствования в Польше, Швеции, Турции, Персии и более всего в России? Он пытается счесть ужасное число этих жертв и находит их столь же бесчисленными, как и количество ассигнаций⁵¹, — мрачное свидетельство богатств, поглощенных блеском этого прекрасного царствования”⁵².

Библиография

Источники

Ан. 1783

Ан., “Ода на взятие под российскую державу Крыма и Кубани”, in: *Собеседник любителей российского слова*, IX, 1783, 235–239.

Ан. 1784

Ан., *Ода великой государыне Екатерине II [. . .] на приобретение Крыма 1784 года*, С.-Петербург, 1784.

Ан. 1789

Ан., *Ода на победы россов над турками и шведами в 1789 году*, С.-Петербург, 1789.

Ан. 1794

Ан., *Ода на взятие Варшавы*, б. м., 1794.

Бобров 1789

Бобров С. С., “Ода на взятие Очакова”, *Беседующий гражданин*, 2, 1789, 106–108.

Бобров 2008

Бобров С. С., *Рассвет полночи. Херсонида*, 1, Москва, 2008.

Бухарский 1790

Бухарский А. И., *Письмо к жене от мужа, идущего на приступ к городу Очакову в декабре месяце 1788 года*, С.-Петербург, 1790.

⁵¹ Это относится к введению бумажных денег — “ассигнаций” — 29 декабря 1768 г. для инфляционного финансирования Первой турецкой войны.

⁵² Статья носит заглавие “Письмо в Зритель о Петре III”. Она была открыта, убедительно атрибутирована и опубликована в русском переводе Ю. М. Лотманом [Лотман 1981: 125–127]; другое мнение об атрибуции см. в: [Бодюс; Сомов 2015: 269, 275]; приведенную цитату см. с. 127. Как можно добавить, сформулированная в статье о Петре III позиция резко отличается от той позиции, которую отстаивает Карамзин несколько лет спустя в “Историческом похвальном слове Екатерине Второй” 1802 г. [Карамзин 1802].

Голенищев-Кутузов 1791

Голенищев-Кутузов П. И., *Стихи [. .] графу Александру-Васильевичу Суворову-Рымникскому [. .] на взятие им города Измаила [. .]*, С.-Петербург, 1791.

— 1803, 1

Голенищев-Кутузов П. И., *Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова [. .]*, 1, Москва, 1803.

Державин 1791

[Державин Г. Р.], *Песнь лирическая россу по взятии Измаила*, [С.-Петербург], 1791.

— 1868

Державин Г. Р., *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота*, 1, С.-Петербург, 1868.

Дмитриев 1967

Дмитриев И. И., *Полное собрание стихотворений*, Г. П. Макогоненко, ред., Ленинград, 1967.

Домашнев 1769

Домашнев С. Г., *Ода победоносной Екатерине Второй [. .] на одержанные [. .] ея оружием многократные над турками победы и взятие Хотина под предводительством генерала князя Голицына [. .]*, [С.-Петербург], [1769].

КЖ 1769

Церемониальный, банкетный и походный журнал 1769 года, С.-Петербург, 1769.

Карамзин 1802

Карамзин Н. М., *Историческое похвальное слово Екатерине Второй*, Москва, 1802.

— 1866

Карамзин Н. М., *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*, прим. и указ. Я. К. Грота, П. П. Пекарского, Москва, 1866.

— 1966

Карамзин Н. М., *Полное собрание стихотворений*, Ю. М. Лотман, ред., Москва, Ленинград, 1966.

Майков 1790

Майков А. А., *На победы, одержанные всемогущим оружием российским в царствование Екатерины Второй*, Москва, 1790.

Майков 1966

Майков В. И., *Избранные произведения*, А. В. Западов, ред., Москва, Ленинград, 1966.

Муравьев 1967

Муравьев М. Н., *Стихотворения*, Л. И. Кулакова, ред., Ленинград, 1967.

НЕС, 1–121

Новые ежемесячные сочинения, 1–121, С.-Петербург, 1789–1794.

Петров 1793

Петров В. П., *Ода [. .] Екатерине Второй [. .] на присоединение Польских Областей к России*, Москва, 1793.

— 1811, 1–3

Петров В. П., *Сочинения*, 1–3, С.-Петербург, 1811.

Потемкин 1772

Потемкин П. С., *Ея Императорскому Величеству Императрице Екатерине Алексеевне [. .] на приобретение Белой России [1772 года]*, in: *Поэзия Московского университета от Ломоносова и до . . .* (цит. по: <http://www.poesis.ru/>; последнее обращение: 07.05.2018).

Поэты XVIII века 1972

Поэты XVIII века, 1, Г. П. Макогоненко, И. З. Серман, сост., Ленинград, 1972.

Селецкий 1769

Селецкий И., *Ода* [. . .] князю Александру Михайловичу Голицыну [. . .] в похвалу на взятие Хотина [. . .], С.-Петербург, 1769.

Сумароков 1957

Сумароков А. П., *Избранные произведения*, Ленинград, 1957.

Сумароков 1774

Сумароков А. П., *Оды торжественные. Элегии любовные*, С.-Петербург, 1774 [репр.: Р. Вроон, ред., Москва, 2009].

Фонвизин 1959

Фонвизин Д. И., *Собрание сочинений*, 2, Г. П. Макогоненко, ред., Москва, Ленинград, 1959.

Херасков 1769

Херасков М. М., *Ода* [. . .] императрице Екатерине Алексеевне [. . .] на преславные над турками победы и на взятие Хотина 1769 года сентября [. . .] дня, Москва, 1769.

— 1788

Херасков М. М., *Ода на взятие города Очакова 1788 года декабря 6 числа*, [Москва], 1788.

— 1793

Херасков М. М., *Ода* [. . .] Екатерине Второй поднесенная по случаю присоединения от Речи Посполитой-Польской к Российской Империи областей и на всерадостное обручение [. . .] Великого Князя Александра Павловича с Великою Княжною Елисаветою Алексеевной, Москва, 1793.

— 1961

Херасков М. М., *Избранные произведения*, А. В. Западов, ред., Ленинград, 1961.

Gleim 1882

Gleim J. W. L., *Preußische Kriegslieder von einem Grenadier*, Heilbronn, 1882.

Словари и справочники

СК, 1–5

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800), 1–5 (+1), Москва, 1963–1975.

СРП18, 1–3

Словарь русских писателей XVIII века, 1–3, Ленинград, С.-Петербург, 1988–2010.

Литература

Алексеева 2005

Алексеева Н. Ю., *Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках*, С.-Петербург, 2005.

Альтшуллер 2014

Альтшуллер М., “Николай Петрович Николев”, in: idem, *В тени Державина. Литературные портреты*, С.-Петербург, 2014, 225–468.

Бильбасов 1900, 1–2

Бильбасов В. А., *История Екатерины Второй*, 1–2, Берлин, 1900.

Бодюс, Сомов 2015

Бодюс Ф. де, Сомов В. А., “Амабль де Бодюс, monsieur «Le Spectateur du Nord», и его русские знакомства”, *XVIII век*, 28, 2015, 236–287.

Вачева 2005

Вачева А., “«. . . я страшно люблю верховую езду». Топос амазонки в автобиографии Екатерины II”, *Болгарская русистика*, 2, 3–4, София, 2005, 40–48.

Виролайнен 1999

Виролайнен М. Н., *Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович*, in: [СРП18, 2, 341–345].

Гуковский, Евгенийев-Максимов 1943

Гуковский В. А., Евгенийев-Максимов В. Е., *Любовь к родине в русской классической литературе*, Саратов, 1943.

Ельницкий 2012

Ельницкий А., “Рубан Василий Григорьевич (1742–1795)”, in: *Русский биографический словарь*, 17, Петроград, 1918, 368–383.

Ермасов 2004

Ермасов Е. В., “Образ русского «варварства» в сочинениях немецких публицистов XVIII в.”, in: *Европейское Просвещение и цивилизация России*, Карп С. Я., Мезин С. А., ред., Москва, 2004, 16–30.

Заборов 1999

Заборов П. Р., “Потемкин Павел Сергеевич”, in: [СРП18, 2, 484–486].

Каменский 1992

Каменский А. Б., *“Под сению Екатерины. . .”. Вторая половина XVIII века*, С.-Петербург, 1992.

Клейн 2010

Клейн И., *Русская литература в XVIII веке*, Москва, 2010.

——— 2013

Клейн И., “Истина и искренность в панегирической поэзии Державина”, *XVIII век*, 27, 187–219.

——— 2015

Клейн И., “Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм”, *Словене*, 2, 2015, 262–297.

Кочеткова 1999

Кочеткова Н. Д., “Николев Николай Петрович”, in: [СРП18, 2, 350–356].

Кузьмин 1971

Кузьмин А. И., “Батальная образность у Г. Р. Державина”, in: *Страницы истории русской литературы. К 80-летию члена-корреспондента АН СССР Н. Ф. Бельчикова*, Москва, 1971.

——— 1974

Кузьмин А. И., *Героическая тема в русской литературе*, Москва, 1974.

Лазарчук 2010

Лазарчук Р. М., “Официальный государственный праздник в российской провинции последней трети XVIII века (идеология, эстетика, структура)”, in: [Окказиональная литература 2010, 325–355].

Лотман 1981

Лотман Ю. М., Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (К генезису исторической концепции Карамзина), *XVIII век*, 13, 102–131, 1981.

Люстров 2012

Люстров М. Ю., *Война и культура. Русско-шведские параллели эпохи Северной войны*, Москва, 2012.

Марасинова 1999

Марасинова Е. Н., *Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки)*, Москва, 1999.

——— 2004

Марасинова Е. Н., “Государственная идея в России первой четверти XVIII в. (К истории формирования понятий и терминов)”, in: *Европейское Просвещение и цивилизация России*, Карп С. Я., Мезин С. А., ред., Москва, 2004, 129–149.

Маркова 1958

Маркова О. П., "О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.). *История СССР*, 4, Москва, 1958, 52–78.

Окказиональная литература 2010

Бухаркин П., Екуч У., Кочеткова Н., ред., *Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века*, С.-Петербург, 2010.

Порфирьева 2001

Порфирьева А. Л., "Праздники и церемонии церковные", in: *Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия, том 1: Осьмнадцатое столетие*, 2, С.-Петербург, 2001, 169–170.

Проскурина 2006

Проскурина В., *Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II*, Москва, 2006.

Пумпянский 1935

Пумпянский Л. В., "Очерки по литературе первой половины XVIII века", *XVIII век*, 1, 1935, 83–132.

Пушкарев 1969

Пушкарев Л. Н., "Солдатская песня — источник по истории военного быта русской регулярной армии XVIII — первой половины XIX в.", in: *Вопросы военной истории России. XVIII и первая половины XIX веков*, Москва, 1969, 423–432.

——— 1990

Пушкарев Л. Н., "Проблема мира и войны в творчестве русских просветителей XVIII в.", in: *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. Сборник научных трудов*, 2, Москва, 1990, 179–193.

Степанов 1988a

Степанов В. П., "Домашнев Сергей Герасимович", in: [СРП18, 1, 283–287].

——— 1988b

Степанов В. П., "Горчаков Дмитрий Петрович", in: [СРП18, 1, 223–226].

Травников 1999

Травников С. Н., "Майков Аполлон Александрович", in: [СРП18, 2, 257].

Ширле 2012

Ширле И., "Понятие «Россия» в политической культуре XVIII века", in: *Эволюция понятий в свете истории русской культуры*, Живов В. М., Кагарлицкий Ю. В., ред., Москва, 2012, 207–232.

Шматова 2006

Шматова Н., *Праздничная культура московского дворянства в последней трети XVIII века*, Москва, 2006.

Baehr 1991

Baehr S. L., *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*, Stanford (CA), 1991.

Davies 2016

Davies B. L., *The Russo-Turkish War 1768–1774. Catherine II and the Ottoman Empire*, London etc., 2016.

Dixon 1999

Dixon S., *The Modernisation of Russia 1676–1825*, Cambridge, 1999.

——— 2007

Dixon S., "Religious Ritual at the Eighteenth-Century Russian Court," in: *Monarchy and Religion. The Transformation of Royal Culture in Eighteenth-Century Europe*, M. Schaich, ed., Oxford, 2007, 217–248.

Ferretti 1998

Ferretti P., *A Russian Advocate of Peace: Vasilii Malinovskii (1765–1814)*, Dordrecht, Boston, London, 1998.

Fisher 1970

Fisher A. W., *The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783*, Cambridge, 1970.

Fleischhacker 1978

Fleischhacker H., *Mit Feder und Zepter. Katharina II. als Autorin*, Stuttgart, 1978.

Griffiths 1967

Griffiths D. M., *Russian Court Politics and the Question of an Expansionist Foreign Policy under Catherine II. 1762–1783* (PhD thesis), Cornell University, 1967.

Hartley 2005

Hartley J. M., "The Patriotism of the Russian Army in the «Patriotic» or «Fatherland» War of 1812," in: *Popular Resistance in the French Wars. Patriots, Partisans and Land Pirates*, Houndmills (NY), 2005, 181–200.

——— 2008

Hartley J. M., *Russia 1762–1825: Military Power, the State, and the People*, Westport (CT), London, 2008.

Heuser 2015

Heuser B., "Betrachtungen zum Krieg im Zeitalter der Aufklärung," in: *Krieg und Frieden im 18. Jahrhundert. Kulturgeschichtliche Studien*, S. Stockhorst, Hrsg., Hannover, 2015, 349–373.

Hösch 1964

Hösch E., "Das sogenannte «griechische Projekt» Katharinas II.," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 12, NF, 1964, 168–206.

Jekutsch 2010

Jekutsch U., "Gelegenheitsdichtung im Rahmen der russischen Festkultur des 18. Jahrhunderts," in: [Окказиональная литература 2010, 12–16].

——— 2015

Jekutsch U., "The Annexation of Crimea in Russian Literature of the 18th and 21st Centuries," *Rocznik komparatystyczny*, 6, 2015, 251–269.

——— 2016

Jekutsch U., "Gelegenheitsdichtung im Russischen Reich des 18. und beginnenden 19. Jahrhunderts. Eine Einführung in das Thema," in: *Katalog der Gelegenheitsdichtung im Russischen Reich 1709–1819*, B. Holtz, U. Jekutsch, Hrsg., Wiesbaden, 2016, XI–XXVII.

Jones 1984

Jones R. E., "Opposition to War and Expansion in Late Eighteenth-Century Russia," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 32, 1984, 34–51.

Keep 1985a

Keep J. L. H., *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874*, Oxford, 1985.

——— 1985b

Keep J. L. H., "The Origins of Russian Militarism," *Cahiers du monde russe et soviétique*, 26, 1985, 5–19.

Keller 1987

Keller M., "Gedichte in Reimen: Rußland in Zeitgedichten und Kriegsliedern," in: *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung*, M. Keller, Hrsg., München, 1987, 298–335.

Kunisch 1992

Kunisch J., "La guerre — c'est moi! Zum Problem der Staatenkonflikte im Zeitalter des Absolutismus," in: *Fürst, Gesellschaft, Krieg. Studien zur bellizistischen Disposition des absoluten Fürstenstaates*, J. Kunisch, Hrsg., Köln, Weimar, Wien, 1992, 1–41.

- Lentin 1971
Lentin A., "Prince M. M. Shcherbatov as Critic of Catherine II's Foreign Policy," *The Slavonic and East European Review*, 49, 1971, 365–409.
- Madariaga 1982
Madariaga I. de, *Russia in the Age of Catherine the Great*, London, 1982.
- Marker 1985
Marker G., *Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia. 1700–1800*, Princeton (NJ), 1985.
- Mitter 1955
Mitter W., "Die Entwicklung der politischen Anschauungen Karamzins," *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 2, 1955, 165–285.
- Ragsdale 1988
Ragsdale H., "Evaluating the Traditions of Russian Aggression: Catherine II and the Greek Project," *The Slavonic and East European Review*, 66, 1988, 91–117.
- Rasmussen 1978
Rasmussen K., "Catherine and the Image of Peter I," *Slavic Review*, 37, 1978, 51–69.
- Sauer 1882
Sauer A., Vorwort, in: *Gleim 1882*, III–XXXVI.
- Schierle 2007
Schierle I., "«Otečestvo» – Der russische Vaterlandsbegriff im 18. Jahrhundert," in: *Kultur und Geschichte Russlands. Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten*, B. Petrow-Ennker, Hrsg., Göttingen, 2007, 123–162.
- 2009
Schierle I., "Love of the Fatherland in Catherine's Russia," *Ab Imperio*, 3, 2009: 65–93.
- Schippan 2001
Schippan M., "Katharina II. und die Rezeption des europäischen Friedensdenkens im Zarenreich," in: *Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung*, C. Scharf, Hrsg., Mainz, 2001, 251–274.
- 2012
Schippan M., *Die Aufklärung und Russland im 18. Jahrhundert*, Wiesbaden, 2012.
- Schnettker 2014
Schnettker M., "Die wehrhafte Minerva. Beobachtungen zur Selbstdarstellung von Regentinnen im 18. Jahrhundert," in: *Die Inszenierungen der heroischen Monarchie. Frühneuzeitliches Königtum zwischen ritterlichem Erbe und militärischer Herausforderung*, M. Wrede, Hrsg., München, 2014, 216–235.
- Schönert 1983
Schönert J., "Schlachtgesänge vom Kanapee. Oder: «Gott donnerte bei Lowositz». Zu den Preußischen Kriegsliedern in den Feldzügen 1756 und 1757 des Kanonikus Gleim," in: *Gedichte und Interpretationen, 2: Aufklärung und Sturm und Drang*, K. Richter, Hrsg., Stuttgart, 1983, 126–139.
- Treasures 2000
Treasures of Catherine the Great, London, 2000.
- Ungermann 1906
Ungermann R., *Der Russisch-türkische Krieg 1768–1774*, Wien, Leipzig, 1906.
- Vacheva 2013
Vacheva A., "The Russian-Turkish War from 1768–1774 in Eighteenth-Century Russian Poetry and the Creation of the Mythology of Power in Russia," in: *Power and Influence in South-Eastern Europe. 16th–19th Century*, M. Baramova et al., eds., Vienna, Berlin, 2013, 319–327.

Whittacker 2003

Whittacker C. H., *Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue*, DeKalb (IL), 2003.

Wirtschaftler 2001

Wirtschaftler E. K., "The Common Soldier in Eighteenth-Century Russian Drama," in: *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*, J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje, eds., Köln, Weimar, Wien, 2001, 367–376.

Wortman 1995

Wortman R. S., *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, 1: *From Peter the Great to the Death of Nicolas I*, Princeton (NJ), 1995.

Zelle 1987

Zelle C., "Angenehmes Grauen". *Literaturhistorische Beiträge zur Ästhetik des Schrecklichen im 18. Jahrhundert*, Hamburg, 1987.

References

- Alekseeva N. Yu., *Russkaia oda. Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh*, St. Petersburg, 2005.
- Al'tshuller M., "Nikolai Petrovich Nikolev," in: idem, *V teni Derzhavina. Literaturnye portrety*, St. Petersburg, 2014, 225–468
- Baehr S. L., *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*, Stanford (CA), 1991.
- Baudouin F. de; Somov V. A., "Amable de Baudouin, monsieur «Le Spectateur du Nord», i ego russkie znakomstva," in: *XVIII vek*, 28, Moscow, St. Petersburg, 2015, 236–287.
- Bukharkin P., Jekutsch U., Kochetkova N., eds., *Okkazonal'naia literatura v kontekste prazdnichnoi kul'tury Rossii XVIII veka*, St Petersburg, 2010.
- Davies B. L., *The Russo-Turkish War 1768–1774. Catherine II and the Ottoman Empire*, London etc., 2016.
- Dixon S., *The Modernisation of Russia 1676–1825*, Cambridge, 1999.
- Dixon S., "Religious Ritual at the Eighteenth-Century Russian Court," in: *Monarchy and Religion. The Transformation of Royal Culture in Eighteenth-Century Europe*, M. Schaich, ed., Oxford, 2007, 217–248.
- Ermasov E. V., "Obraz russkogo «varvarstva» v sochinieniakh nemetskih publitsistov XVIII v.," in: Karp S. Ya., Mezin S. A., eds., *Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiia Rossii*, Moscow, 2004, 16–30.
- Ferretti P., *A Russian Advocate of Peace: Vasilii Malinovskii (1765–1814)*, Dordrecht, Boston, London, 1998.
- Fisher A. W., *The Russian Annexation of the Crimea. 1772–1783*, Cambridge, 1970.
- Fleischhacker H., *Mit Feder und Zepfer. Katharina II. als Autorin*, Stuttgart, 1978.
- Griffiths D. M., *Russian Court Politics and the Question of an Expansionist Foreign Policy under Catherine II. 1762–1783* (PhD thesis), Cornell University, 1967.
- Hartley J. M., "The Patriotism of the Russian Army in the «Patriotic» or «Fatherland» War of 1812," in: *Popular Resistance in the French Wars. Patriots, Partisans and Land Pirates*, Houndmills (NY), 2005, 181–200.
- Hartley J. M., *Russia 1762–1825: Military Power, the State, and the People*, Westport (CT), London, 2008.
- Heuser B., "Betrachtungen zum Krieg im Zeitalter der Aufklärung," in: *Krieg und Frieden im 18. Jahrhundert. Kulturgeschichtliche Studien*, S. Stockhorst, Hrsg., Hannover, 2015, 349–373.
- Hösch E., "Das sogenannte «griechische Projekt» Katharinas II.," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, NF, 12, 1964, 168–206.
- Jekutsch U., "Gelegenheitsdichtung im Rahmen der russischen Festkultur des 18. Jahrhunderts," in: *Okkazonal'naia literatura v kontekste prazdnichnoi kul'tury Rossii XVIII veka*, Bukharkin P., Jekutsch U., Kochetkova N., eds., St. Petersburg, 2010, 12–16.
- Jekutsch U., "The Annexation of Crimea in Russian Literature of the 18th and 21st Centuries," *Rocznik komparatystyczny*, 6, 2015, 251–269.
- Jekutsch U., "Gelegenheitsdichtung im Russischen Reich des 18. und beginnenden 19. Jahrhunderts. Eine Einführung in das Thema," in: *Katalog der Gelegenheitsdichtung im Russischen Reich 1709–1819*, B. Holtz, U. Jekutsch, Hrsg., Wiesbaden, 2016 XI–XXVI.
- Jones R. E., "Opposition to War and Expansion in Late Eighteenth-Century Russia," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 32, 1984, 34–51.
- Kamensky A. B., "Pod seniū Ekateriny. . .". *Vto-raia polovina XVIII veka*, St. Petersburg, 1992.
- Keep J. L. H., *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874*, Oxford, 1985.
- Keep J. L. H., "The Origins of Russian Militarism," *Cahiers du monde russe et soviétique*, 26, 1985, 5–19.
- Keller M., "Gedichte in Reimen: Rußland in Zeitgedichten und Kriegsliedern," in: *Russen und Rußland*

aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung, M. Keller, Hrsg., München, 1987, 298–335.

Klein I., *Russkaia literatura v XVIII veke*, Moscow, 2010.

Klein I., "Istina i iskrennost' v panegiricheskoj poezii Derzhavina," in: *XVIII vek*, 27, St. Petersburg, 2015, 187–219.

Klein I., "Praising the Ruler: Panegyric Poetry and Russian Absolutism," in: *Slověne*, 2, 2015, 262–297.

Kochetkova N. D., "Nikolev Nikolai Petrovich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 2, St. Petersburg, 1999, 350–356.

Kunisch J., "La guerre — c'est moi! Zum Problem der Staatenkonflikte im Zeitalter des Absolutismus," in: *Fürst, Gesellschaft, Krieg. Studien zur bellizistischen Disposition des absoluten Fürstenstaates*, J. Kunisch, Hrsg., Köln, Weimar, Wien, 1992, 1–41.

Kuz'min A. I., "Batal'naia obraznost' u G. R. Derzhavina," in: *Stranitsy istorii russkoj literatury. K 80-letiiu chlena-korrespondenta AN SSSR N. F. Belchikova*, Moscow, 1971, 223–233.

Kuz'min A. I., *Geroicheskaia tema v russkoj literature*, Moscow, 1974.

Lazarchuk R. M., "Ofitsial'nyi gosudarstvennyi prazdnik v rossijskoj provintsii pervoi treti XVIII veka (ideologija, estetika, struktura)," in: *Okkazional'naia literatura v kontekste prazdnichnoi kul'tury Rossii XVIII veka*, Bukharkin P., Jekutsch U., Kochetkova N., eds., St. Petersburg, 2010, 325–355.

Lentin A., "Prince M. M. Shcherbatov as Critic of Catherine II's Foreign Policy," *The Slavonic and East European Review*, 49, 1971, 365–409.

Lyustrov M. Yu., *Voina i kultura. Russko-shvedskie paralleli epokhi Severnoi voiny*, Moscow, 2012.

Lotman Yu. M., Cherty real'noi politiki v pozitsii Karamzina 1790-kh gg. (k genezisu istoricheskoj kontseptsii Karamzina), in: *XVIII vek*, 13, Leningrad, 1981, 102–131.

Madariaga I. de, *Russia in the Age of Catherine the Great*, London, 1982.

Marasino E. N., *Psikhologija elity rossijskogo dvorianstva poslednei treti XVIII veka (po materialam perepiski)*, Moscow, 1999.

Marasino E. N., "Gosudarstvennaia ideia v Rossii pervoi chetverti XVIII v.," in: *Evropejskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiia Rossii*, Moscow, 2004, 129–149.

Marker G., *Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia. 1700–1800*, Princeton (NJ), 1985.

Markova O. P., "O proiskhozdenii tak nazyvajemo go grecheskogo proekta (80-e gody XVIII v.), *Istoriia SSSR*, 4, Moscow, 1958, 52–78.

Mitter W., "Die Entwicklung der politischen Anschauungen Karamzins," *Forschungen zur ost-europäischen Geschichte*, 2, 1955, 165–285.

Porfir'eva A. L., "Prazdniki i tseremonii tserkovnye," in: *Tri veka Sankt-Peterburga. Entsiklope-*

diia, 1: *Os'mnadsatoe stoletie*, 2, 169–170, St. Petersburg, 2001.

Proskurina V., *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II*, Moscow, 2006.

Pumpianskij L. V., "Ocherki po literature pervoi poloviny XVIII veka," in: *XVIII vek*, 1, Leningrad, 1935, 83–132.

Pushkarev L. N., "Soldatskaia pesnia — istochnik po istorii voennogo byta russkoj reguliarnoi armii XVIII — pervoi poloviny XIX v.," *Voprosy voennoi istorii*, Moscow, 1969.

Pushkarev L. N., "Problema mira i voiny v tvorcestve russkikh prosvetitelei XVIII v.," in: *Russkaia kul'tura v sloviiakh inozemnykh nashestvii i vojn. X-nachalo XX v. Sbornik nauchnykh trudov*, 2, Moscow, 1990, 179–193.

Ragsdale H., "Evaluating the Traditions of Russian Aggression: Catherine II and the Greek Project," *The Slavonic and East European Review*, 66, 1988, 91–117.

Rasmussen K., "Catherine and the Image of Peter I.," *Slavic Review*, 37, 1978, 51–69.

Schierle I., "«Otečestvo» — Der russische Vaterlandsbegriff im 18. Jahrhundert," in: *Kultur und Geschichte Russlands. Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten*, B. Petrow-Ennker, Hrsg., Göttingen, 2007, 123–162.

Schierle I., "Love of the Fatherland in Catherine's Russia," *Ab Imperio*, 3, 2009: 65–93.

Schippan M., "Katharina II. und die Rezeption des europäischen Friedensdenkens im Zarenreich," in: *Katharina II, Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung*, C. Scharf, Hrsg., Mainz, 2001, 251–274.

Schippan M., *Die Aufklärung und Russland im 18. Jahrhundert*, Wiesbaden, 2012.

Schnettke M., "Die wehrhafte Minerva. Beobachtungen zur Selbstdarstellung von Regentinnen im 18. Jahrhundert," in: *Die Inszenierungen der heroischen Monarchie. Frühneuzeitliches Königtum zwischen ritterlichem Erbe und militärischer Herausforderung*, M. Wrede, Hrsg., München, 2014, 216–235.

Schönert J., "Schlachtgesänge vom Kanapee. Oder: «Gott donnerte bei Lowositz». Zu den Preußischen Kriegsliedern in den Feldzügen 1756 und 1757 des Kanonikus Gleim," in: *Gedichte und Interpretationen*, 2: *Aufklärung und Sturm und Drang*, K. Richter, Hrsg., Stuttgart, 1983, 126–139.

Shirle I., "Poniatie «Rossia» v politicheskoj kul'ture XVIII veka," in: *Evoliutsiia poniatii v svete istorii russkoj kul'tury*, Moscow, 2012, 207–232.

Shmatova N., *Prazdnichnaia kul'tura moskovskogo dvorianstva poslednei treti XVIII veka*, Moscow, 2006.

Stepanov V. P., "Domashnev Sergei Gerasimovich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 1, Leningrad, 1988, 283–287.

Stepanov V. P., "Gorchakov Dmitrii Petrovich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 1, Leningrad, 1988, 223–226.

Travnikov S. N., "Maikov Apollon Aleksandrovich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 2, St. Petersburg, 1999, 257.

Vacheva A., "«...ia strashno ljubliu verkho-vuii ezdu». Topos amazonki v avtobiografii Ekateriny II," *Bolgarskaia rusistika*, 2, 3–4, 2005, 40–48.

Vacheva A., "The Russian-Turkish War from 1768–1774 in Eighteenth-Century Russian Poetry and the Creation of the Mythology of Power in Russia," in: *Power and Influence in South-Eastern Europe. 16th–19th Century*, M. Baramova et al., eds., Vienna, Berlin, 2013, 319–327.

Violajnen M. N., "Neledinskii-Meletsii Iurii Aleksandrovich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 2, St. Petersburg, 1999, 341–345.

Whittacker C. H., *Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue*, DeKalb (IL), 2003.

Wirtschaffter E. K., "The Common Soldier in Eighteenth-Century Russian Drama," in: *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*, J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje, eds., Köln, Weimar, Wien, 2001, 367–376.

Wortman R. S., *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy, 1: From Peter the Great to the Death of Nicolas I*, Princeton (NJ), 1995.

Zaborov P. R., "Potemkin Pavel Sergeevich," in: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*, 2, St. Petersburg, 1999, 484–486.

Zelle C., "Angenehmes Grauen". *Literaturhistorische Beiträge zur Ästhetik des Schrecklichen im 18. Jahrhundert*, Hamburg, 1987.

Joachim Klein

prof. emeritus University of Leiden, Netherlands
9 Panoramic Way
Berkeley CA 94704
USA
j.h.klein6@mac.com

Received August 30, 2017